Ольховская А. И. Внутренняя форма слова как феномен обыденного метаязыкового сознания / А. И. Ольховская // Научный диалог. — 2017. — № 4. — С. 57—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-57-69.

Olkhovskaya, A. I. (2017). Inner Form of Word as Phenomenon of Ordinary Metalinguistic Consciousness. *Nauchnyy dialog, 4:* 57-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-57-69. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 81'373
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-57-69

Внутренняя форма слова как феномен обыденного метаязыкового сознания

© **Ольховская Александра Игоревна (2017),** orcid.org/0000-0002-3599-2519, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия), aleksandra_olhovskaya@mail.ru.
SPIN-code: 2440-7708
ResearcherID: N-8255-2015

Статья посвящена рассмотрению внутренней формы слова как живого механизма обыденного метаязыкового сознания. Выделяя три типа внутренней формы — тривиальную, потерянную и затемнённую, автор сосредоточивает внимание на последней, поскольку она представляет наибольший интерес в рамках наивной лингвистики. Для выявления принципов её функционирования в сознании носителей языка автор обращается к эксперименту и обработке полученных результатов по четырём параметрам: (1) правильность, (2) системность, (3) стратегия установления внутренней формы слова и (4) тип ошибки при её интерпретации. Анкетирование позволило сделать ряд умозаключений. Прежде всего, установлено, что затемнённая внутренняя форма практически не осознаётся носителями языка и в связи с этим не может считаться живым элементом значения слова. Во-вторых, выявлено, что прочтение внутренней формы, даже в случае ошибочного результата, редко выходит за рамки возможностей языковой системы. В-третьих, определено, что среди стратегий установления внутренней формы слова лидирующие позиции занимает анализ его корня при игнорировании других компонентов морфемной структуры. В-четвёртых, выяснено, что наиболее частотной ошибкой интерпретации внутренней формы является неверное комментирование образа, положенного в основу номинации.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; мотивация; обыденное метаязыковое сознание; наивная лингвистика; русская языковая личность.

1. Введение

Термин *внутренняя форма* в том смысле, в котором он используется современной лингвистикой, как известно, был предложен А. А. Потебней

[Потебня, 1999]. Освоенное языкознанием понятие приобретает свежее звучание в рамках наивной, или обыденной, лингвистики, оформившейся в самостоятельную филиацию усилиями учёных кемеровской школы и прежде всего Н. Д. Голева (см. напр.: [Голев, 2000, 2008, 2008а]). Выбранный ракурс рассмотрения позволяет взглянуть на внутреннюю форму слова не с соссюровских, а с поистине антропоцентрических позиций — как на живой и действующий компонент обыденного метаязыкового сознания языковой личности. На то есть несколько оснований.

Во-первых, в отличие от большинства лингвистических понятий внутренняя форма в сознании носителей языка обладает психологической реальностью и является для них несомненным эмпирическим фактом. Кроме того, она тесно связана с присущим в той или иной степени каждому человеку консервативно-мифологическим представлением об истинности исходного значения слова и потому наделяется особой важностью и даже сакральностью.

Поиск исконного (и, соответственно, истинного) значения слова, проявляющийся в народном этимологизировании, является неотъемлемой частью языкового поведения личности и одним из способов её метаязыковой рефлексии. Ср. замечание А. А. Зализняка: «Люди самых разных жизненных занятий и уровней образования время от времени задаются вопросами, связанными с языком. <…> Например: что в точности значит слово *аляповатый*? Откуда оно произошло? Когда оно появилось? Или: есть ли какая-то связь между словами *мятый* и *мята*? или *суд* и *судно*? или *калий* и *кальций*? или *укусить* и *покуситься*?» [Зализняк, 2009].

Во-вторых, запечатлевая в слове первоначальный поворот мысли, внутренняя форма выступает в качестве инструмента концептуализации определённого фрагмента действительности. Знание того, что *восток* — это место, где солнце *востекает*, а *запад* — место, где солнце *западает*, вряд ли способно повлиять на их реальное словоупотребление. Однако оно даёт ключ к пониманию сохранившегося в оболочке слов понятийного фокуса, который может отличаться от фокуса аналогичных, даже содержательно-эквивалентных, иноязычных слов. Ср.: *east* — место, где солнце начинает светить (и.-е. *aus- ‘светить, сиять’), *west* — место, где начинается ночь (и.-е. *wes-pero ‘вечер, ночь’). Если русскоязычное осмысление указанных явлений основано на противопоставлении восходящего / нисходящего движения солнца, англоязычное — на противопоставлении наличия / отсутствия солнечного света.

Понимание подобных вещей не имеет очевидной связи с коммуникативной компетенцией человека, однако не может не воздействовать на об-

щий уровень его метаязыкового сознания. Рассмотрению внутренней формы как элемента обыденного метаязыкового сознания, ответственного за формально-смысловые связи в лексиконе человека, и посвящена настоящая статья.

2. Методика

В качестве ведущего метода исследования антропоцентрического потенциала внутренней формы слова был выбран направленный эксперимент. Его основная цель состоит в объективации обыденного метаязыкового сознания посредством стимулируемых метаязыковых высказываний о внутренней форме слова. К задачам эксперимента относится: (а) определение средней глубины проникновения во внутреннюю форму слова рядового носителя языка; (б) установление степени соответствия предложенных информантами вариантов системным возможностям языка; (в) выяснение основных стратегий установления внутренней формы слова; (г) описание типичных ошибок при интерпретации внутренней формы. В эксперименте приняли участие 60 человек различной профессиональной принадлежности в возрасте от 16 до 58 лет.

При отборе слов для эксперимента мы руководствовались следующим соображением. В отношении метаязыкового сознания носителей языка целесообразно различать три типа внутренней формы: тривиальную (прозрачную, очевидную) внутреннюю форму вроде *учитель* ← *учить*, *объяснить* ← *ясный*, *колокольчик* ‘цветок’ ← *колокольчик* ‘маленький колокол’; затемнённую (неочевидную) внутреннюю форму вроде *ковёр* ← ? *ковать*, *коричневый* ← *корица*, *врач* ← *врать* и потерянную внутреннюю форму вроде *яблоко* ← праслав. *jablъko ← и.-е. основа *ablu-, *идти* ← и.-е. корень *ei-, *лгать* ← праслав. *lъgati << ?.

Логично предположить, что внутренняя форма первого типа осознаётся большинством носителей, а последнего — практически ни одним. В связи с этим основной акцент при разработке анкеты был сделан на слова с затемнённой внутренней формой, понимание которой может быть успешно осуществлено при условии так называемого развитого чувства языка. При этом часть отобранных слов демонстрируют существенное затемнение внутренней формы (например, *тихий, обидеть, завтра, вор, душа*), а часть имеют псевдопрозрачную мотивацию (*ненавидеть, никогда*). Для чистоты эксперимента в анкету были включены также единицы с потерянной внутренней формой (слова *белый, строить*).

Приведём для ясности анкету эксперимента, поместив в графах «Происхождение» и «Смысловая связь» краткие указания на внутреннюю фор-

Таблица 1

Анкета эксперимента с краткими пояснениями

№	Слово	Происхождение	Смысловая связь
1	ненавидеть	*праслав.* *naviděti ‘охотно смотреть; любить’	не любить
2	обручиться	*ст.-сл.* обрѫчь ‘кольцо’	надеть друг на друга обручи (кольца)
3	город	*праслав.* *gordъ ‘ограда’	огороженное место
4	счастье	*праслав.* *sъčęstьje << приставка *sъ- (<< *др.-инд.* su- ‘хороший’) + čęstь ‘часть; удел’	хороший удел
5	окно	*общеслав.* *oko ‘глаз’	отверстие для наблюдения глазом
6	белый	*общеслав.* *bělъ << и.-е. *bhel(ə) ‘блестеть; блестящий; светлый’	_____
7	ловкий	ловить	тот, кто умеет хорошо ловить (животных)
8	брак	*общеслав.* *bьrati (> *рус.* брать)	брать женщину в жёны, в свой дом
9	обидеть	*общеслав.* *ob(ь)-viděti	не удостоить взглядом
10	строить	*и.-е. корень* *streu- ‘распространять; простирать; расстилать’.	_____
11	обожать	бог	обожествлять, возводить в ранг бога
12	завтра	*др.-рус.* заутра (за + утро) ‘на другое утро’	то, что наступит после утра
13	опешить	*др.-рус.* *опѣшати ‘*о всаднике* сделаться пешим’	прийти в смятение, оказавшись без коня
14	чреватый	чреватый ‘беременный’	влекущий за собой неприятные последствия
15	вор	*др.-рус.* вьрати ‘обманывать’	тот, кто врёт
16	никогда	ни + когда; когда << *праслав.* *kъ ‘какой’ + *g[ъ]da ‘время’	ни в каком году
17	оборотень	оборотиться	тот, кто обладает способностью оборачиваться в кого-л. / что-л.
18	сердиться	*праслав.* *sьrditi sę << *sьrdьce ‘сердце’	иметь неспокойное сердце

Окончание табл.1

№	Слово	Происхождение	Смысловая связь
19	знак	*праслав.* *znati ‘знать’	метка, дающая кому-либо что-либо знать
20	рубашка	*др.-рус.* *рубъ ‘кусок, обрывок ткани’ << *праслав.* *rǫbъ ‘рубец; край; кусок ткани; грубая одежда’	сшитая (подрубленная) одежда
21	душа	*и.-е. корень* *dheu- ‘дуть’	то, что дышит или позволяет дышать
22	отвратительный	отвратить << *ст.-слав.* отвьратити ‘отвернуть, отворотить’	такой, от которого хочется отвернуться
23	голубой	? голубь (направление мотивации не безусловно)	цвета голубя
24	тихий	? *общеслав.* *tešiti ‘успокаивать, утешать’ (направление мотивации не безусловно)	успокоенный, утешенный
25	целовать	*cělovati ← *cělъ ‘целый’	желать мужчине вернуться целым из похода или с охоты

му слов (таблица 1). Пояснения этимологического характера были сделаны с опорой на три лексикографических источника: «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера [Фасмер, 1986—1987], «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черныха [Черных, 1993], а также «Большой универсальный словарь русского языка» под ред В. В. Морковкина [Морковкин, 2016].

3. Результаты и обсуждение

В соответствии с перечнем поставленных задач обработка анкет осуществлялась на основании нескольких параметров: (1) правильность полученных ответов, (2) их системность (соответствие ответа системным возможностям языка), (3) стратегия установления внутренней формы слова и (4) тип ошибки при её интерпретации.

С опорой на первый параметр все реакции был разделены на правильные (24,8 %), частично правильные (13,9 %), неправильные (38,8 %) и реакции с отсутствием какого-либо ответа (22,5 %). Оценка правильности осуществлялась на достаточно мягких основаниях, в частности, в расчёт не всегда принималась ступень мотивации. Так, пояснения слова *обожать* через единицы *бог, боже, обожествлять, обожить, о, Боже, боготворить* при условии верного осмысления связи признавались одинаково

правильными. Кроме того, если информант предлагал несколько вариантов видения слова и один из них был верным, его ответ засчитывался как правильный, напр., «вор ← врать; враг (то есть ворог), но это вряд ли; тот, кто врёт; проворный» или «голубой ← луб / голубь / люб / голый».

Частично правильными признавались, во-первых, не совсем точные, но близкие к верному ответы, например, «чреватый ← чрево: чрево даёт продолжение, то есть последствия после каких-то действий». Во-вторых, случаи, когда информант указывал неверную мотивирующую базу, но при пояснении смысловой связи использовал нужную единицу, ср. «город ← род: огородить свой род чем-л. (стеной, например)». И в-третьих, редкие случаи, когда человек верно понимал внутреннюю форму слова без указания мотивирующей основы, напр., «обидеть ← обойти, обделить: обойти вниманием, обделить чем-либо».

Объяснение через производное от единицы слово, не раскрывающее его первоначального понятийного фокуса, расценивалось как неправильный ответ, ср.: «тихий ← тихо, тишь» или «город ← городить: строить большое количество зданий», равно как и объяснение через производное той же ступени словообразования («сопроизводное»), например, «душа ← дух». Случаи, когда информанты верно указывали производящую основу, но оставляли без комментариев смысловую связь между ней и словом-стимулом, расценивались как неверные ответы.

Как ясно из приведённых процентных соотношений, количество неправильных ответов (с учётом прочерков) превышает количество правильных (в том числе частично правильных). Ещё более рельефно эта тенденция прослеживается, если за точку отсчёта принять не группу реакций определённого типа, а каждую конкретную единицу. В этом случае стимулы делятся на (1) единицы с суммарным преобладанием правильных и частично правильных ответов над неправильными (*ненавидеть, ловкий, обожать, никогда, оборотень, отвратительный*); (2) единицы с преобладанием неправильных ответов (*обручиться, счастье, белый, брак, обидеть, строить, завтра, опешить, чреватый, вор, знак, рубашка, душа, голубой, тихий, целовать*); (3) единицы с приблизительно равным количеством тех и других реакций (*город, окно, сердиться*).

Таким образом, группа единиц, внутренняя форма которых преимущественно понятна носителям языка, оказалась весьма малочисленной (6 слов). Её, вообще говоря, можно сократить до четырёх слов, если учесть тот факт, что мотивированность единиц *ненавидеть* и *никогда* в абсолютном большинстве случаев раскрыта на небольшую глубину (наиболее частотные реакции: «не хочу видеть» вместо «не + навидеть ‘охотно

смотреть, любить’» и «когда не будет» вместо «ни + какой + год»). Столь малое количество «положительных» реакций свидетельствует о том, что неочевидная, затемнённая внутренняя форма часто не осознаётся носителями языка. Это в свою очередь достаточно наглядно демонстрирует её некоммуникативный характер. По справедливому замечанию Д. Н. Шмелёва, «говорящий раскрывает внутреннюю форму слова не для того, чтобы понять его значение, а для того, чтобы как-то по-новому осмыслить его» [Шмелёв, 2008, с. 167].

Рассуждая о внутренней форме слова, говорящий редко задаётся вопросами о подлинности своих предположений, гораздо более важной для него оказывается их логичность. Последняя при этом может касаться лишь смыслового аспекта, то есть согласованности идеи с наличным значением слова, а может учитывать не только смысл, но и формальное соотношение единиц, то есть известные человеку правила словообразования. Учёт этих правил респондентом и лёг в основу критерия системности.

Очевидно, что правильные интерпретации внутренней формы автоматически являются системными, в то время как неправильные могут быть как системными, так и асистемными. В частности, связи «обручиться ← ручаться» или «обручиться ← об + рука», хоть и неправильны, вполне системны, поскольку в русском языке наличествует сходная словообразовательная модель, ср. цепочку *венец — венчать — обвенчать — обвенчаться*. То же касается таких частотных умозаключений, как «обидеть ← беда / бедный» (ср.: *счастье >> осчастливить*) и «строить ← три» (наличие омонима *стро’ить*). В противоположность им не менее частотную связь «строить ← рой» следует расценить как асистемную, поскольку выделение корня *-рой-* предполагает существование приставки *ст-* или приставок *с-* и *т-*, которых в языке не существует. То же касается связей «голубь ← любовь» и «город ← род», неоправданность которых очевидна ввиду отсутствия в языке приставки *го-*. К системным автоматически относились все интерпретации через производные от исходной единицы слова вроде «строить ← строй» или «белый ← белок».

Как показали полученные результаты, системные реакции информантов значительно превосходят асистемные — 85,5 % и 14,5 % соответственно. Это в очередной раз подтверждает предположение о системной организации языка и языковой способности в сознании личности даже при отсутствии специальной лингвистической подготовки.

Значительный исследовательский интерес представляют выбранные респондентами стратегии установления внутренней формы. Вообще говоря, несложно догадаться, что носители языка, поставленные перед задачей

понять «первоначальный смысл» слова, обратятся к словообразовательной аналитике. Иными словами, они станут расчленять слова на понятные им части до тех пор, пока не найдут объяснения, которые, с их точки зрения, «увязываются» с современным значением слова. Следовательно, макростратегией выявления внутренней формы следует признать словообразовательный анализ. Меж тем в рамках этой стратегии могут быть выделены более частные модели анализа.

При обработке материалов нами было замечено четыре линии поведения респондентов: 1) обращение к значению корня (63,5 %), 2) обращение к значению корня, приставки и / или суффикса (31 %), 3) аббревиатурное прочтение слова или его разложение на корневые компоненты (4,2 %) и 4) обращение к словам с аналогичной словообразовательной структурой (0,9 %).

Первая стратегия сводится к поиску однокоренного слова, которое при этом не всегда оказывается производящим, например, «оборотень ← оборачиваться: превращаться в кого-то», «строить ← строй», «сердиться ← сердитый: быть сердитым», «знак ← знание: указатель правды». Наибольшая частотность данной стратегии, очевидно, связана с центральной позицией корня в структуре слова, который является как бы светлым смысловым пятном на фоне слитного и не вполне ясного приставочно-суффиксального комплекса.

Между тем случаи обращения носителей языка не только к корневой, но и к аффиксальной морфеме также встречаются нередко. В ряде анкет информанты целенаправленно выделяют аффикс в структуре слова, например, «рубашка ← рубить + -ашк-: то, что рубят», «счастье ← со-участие: быть счастливым, значит иметь часть», «отвратительный ← от + врат: тот, кого отправляли от ворот». В некоторых анкетах об осознании роли аффикса позволяют судить формулировки смысловой связи между единицами, например, «ловкий ← ловить: тот, кто умеет хорошо ловить что-либо» (ср. -*к*- ‘способный к какому-л. действию’), «опешить ← пеший: стать пешим и очень удивиться этому» (ср. *о*- ‘наделить кого-л. признаком, который назван мотивирующим прилагательным’), «отвратительный ← ворота / воротить: объект, который вызывает желание отвернуться от него» (ср. -*тельн*- ‘производящий какое-л. действие’), «чреватый ← чрево: вероятно, чрезмерно велик живот, что опасно, пузатый» (ср. -*ат*- ‘характеризующийся внешним признаком, названным мотивирующим словом’).

Следует заметить, что внимание носителей языка в большей степени привлекают приставки, нежели суффиксы. По-видимому, это обусловлено двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, тем, что приставки в предложенных словах имеют ясное лексическое значение в отличие от частично

устаревших (*-к-* в *брак, знак*; *-н-* в *окно*), частично грамматикализованных (*-ся, -ть,* глагольные гласные) суффиксов. Во-вторых, приставки — во многом за счёт отчётливого значения — воспринимаются как смысловые отдельности, в то время как корень и суффикс мыслятся более тесным смысловым сплавом.

Несмотря на то, что использование третьей стратегии исчерпывается лишь 4 % реакций, в анкетах встречаются весьма показательные случаи разложения единиц на асистемные элементы. Например: «рубашка ← рубить + башка», «целовать ← ловить + поцелуй», «обручиться ← обмен + руки», «оборотень ← оборотная + тень», «сердиться ← сердце + горячиться», «город ← го (имеется в виду англ. глагол *go*. — *А. О.*) + род», «брак ← быть с + раком», «сердиться ← серость сердца», «голубой ← голое небо», «тихий ← тишина + хитрый», «знак ← зна + к: знать как», «счастье ← сейчас + ты + есть» и мн. др.

Опора на последнюю из обозначенных стратегий демонстрирует весьма интересный случай системного взаимодействия единиц в сознании респондентов. Она предполагает попытку понять смысл слова посредством обращения не к мотивирующей базе, а к аналогично устроенным словам. Среди зафиксированных нами примеров можно привести следующие сближения: «ненавидеть — не налюбоваться», «ненавидеть — ненаглядный», «обидеть — обделить», «обидеть — облапошить», «строить — ставить», «строить — соорудить», «обожать — окружать», «целовать — миловать». Носители языка, будучи не в состоянии понять языковую логику, как бы хватаются за соломинку аналогии, прибегая тем самым к оправдательному аргументу «я не знаю, что это, но я знаю другое подобное».

Что касается критерия «тип ошибки», все неверные интерпретации внутренней формы были условно разнесены нами на шесть групп с учётом причины, породившей заблуждение информантов. В основе первой группы лежит неверное прочтение образа, запечатлённого в слове в момент первичной номинации (35, 8 %). В этом случае респондент верно указывает производящую единицу, однако неверно интерпретирует смысловую связь между ней и словом-стимулом. Примеры: «счастье ← часть: почувствовать себя одним целым», «отвратительный ← отвернуть от ворот: ненужный, необходима защита», «знак ← знать: знать грамоту, знаки», «чреватый ← чрево, нутро: спрятано внутри, не видно глазом и от этого неизвестно, что происходит», «целовать ← завладеть кем-либо целиком», «ловкий ← лов, ловить: легко ловить момент».

Вторая группа организована неверным распознаванием корня слова (24, 3 %), ср.: «счастье ← час / сейчас», «завтра ← за + ра: за солнцем /

за вторым / за вторником», «отвратительный ← рать, ратеть», «обожать ← обо + жать: так сильно любить, что хочется сжать», «город ← гора: города на холмах основывали», «целовать ← цель: движение губ в определённую точку», «обидеть ← бить: обидеть — ударить в моральном смысле». К этой группе тесно примыкает совокупность реакций, основанных на случайном созвучии (6, 9 %), например, «чреватый ← чири: гнилой, влекущий за собой плохие последствия», «вор ← урвать: забрать не принадлежащее тебе», «знак ← указ / наказ: указывает на что-либо», «рубашка ← бока: одеть бока, по бокам», «белый ← лей (льётся) + цвет», «брак ← обряд», «обожать ← жажда», «завтра ← трата + будет», «вор ← ворох», «белый ← боль: быть белым значит быть больным», «душа ← уходить, ушедший: то, что даётся на время, потом уходит». Основное отличие этих реакций от реакций предыдущей группы состоит в очевидно окказиональном характере созвучий.

Следующая группа основана на неверном членении слова (6, 5 %), ср.: «целовать ← целый овал», «опешить ← опередить шедшего», «сердиться ← серым + делаться», «вор ← в + ор: в крик, когда обокрали» и под. Несложно догадаться, что ошибочные реакции этого типа коррелируют со стратегией аббревиатурного прочтения слова. Пятая группа базируется на апелляции к производному для стимула слову (9 %): «голубой ← голубизна», «белый ← бел, бель, бельё, бельмо, белок», «целовать ← поцелуй». Такого рода ответы указывают на непонимание информантами такого явления, как направление словообразовательной деривации. Наконец, последняя группа связана с недостаточной глубиной проникновения во внутреннюю форму слова (18 %). Данная ошибка фиксировалась в двух случаях: если респондент оставлял без комментария значимую для понимания внутренней формы морфему, например, «никогда ← ни + когда», «за + втра: за чем-то», или использовал для объяснения «сопроизводное» слово, например, «рубашка ← рубище», «знак ← значение».

4. Выводы

Проведённый эксперимент позволяет сформулировать основные положения антропоцентрического видения внутренней формы слова. Во-первых, с позиции языковой личности внутреннюю форму следует считать не абсолютной языковой данностью, а результатом метаязыковой интерпретации. Коль скоро любой интерпретации свойственен индивидуально-творческий характер, внутренняя форма слова — в заданном ракурсе — отличается множественностью прочтений.

Во-вторых, рассуждения информантов о происхождении слов ярко демонстрирует одну непреложную истину: язык для носителей выступа-

ет как глубоко мотивированная и осмысленная вещь. Любое, даже самое абсурдное, предположение получает свою мотивировку, ср.: «белый ← без лица: без лица = без цвета», «белый ← ноль: начало, исходная точка», «рубашка ← рубить + башка: рубашка разделяет тело и голову», «душа ← дух + наш: собственный дух», «голубой ← голое небо: светлее синего, то есть светлее мрачного», «знак ← з + нач: знать начальный смысл» и мн. др.

В-третьих, в ходе обработки полученных анкет замечено явное предпочтение языковой личности к тем или иным стратегиям интерпретации внутренней формы. Так, есть анкеты, в которых происхождение всех стимулов объясняется сложением двух слов; есть анкеты, в которых последовательно использована стратегия морфемного членения; есть анкеты, в которых практически все слова объяснены через производные от исходной единицы и т. п. Это, по-видимому, указывает на то, что каждой личности присущ индивидуальный стиль метаязыковой рефлексии, который, разумеется, в той или иной мере обусловлен языковой и лингвистической компетенциями.

В-четвёртых, затемнённую (и тем более потерянную) внутреннюю форму нельзя считать живым элементом значения слова. Носители языка, удалённые от момента словотворчества, как правило, не способны уловить первоначальную логику языка. Неслучайно типичной ошибкой интерпретации внутренней формы является неверное прочтение образа, положенного в основу номинации. Например, частотная реакция «окно ← око: глаза дома» наглядно демонстрирует внешнее, а не функциональное восприятие названия предмета, при том что подобный поворот запечатлён в более поздней единице *глазок* (*дверной*). Значимо, однако, что попытки информантов проникнуть в первоначальный смысл слова редко выходят за рамки системных возможностей языка. Это ещё раз подтверждает факт системной организации языковой способности человека.

Наконец, в-пятых, проникновение во внутреннюю форму слова чаще всего осуществляется с опорой на корневую морфему. Корень, таким образом, оказывается не только главным структурным элементом слова, но и ключом к понимаю стоящего за ним смыслового объёма.

Литература

1. *Голев Н. Д.* Лингвистика метаязыкового сознания (проблемы и перспективы) / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика : межвузовский сборник научных статей. — Кемерово : Барнаул, 2008. — С. 7—13.

2. *Голев Н. Д.* Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка / Н. Д. Голев // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. — С. 338—348.

3. *Голев Н. Д.* Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2008а. — № 3 (4). — С. 5—17.

4. *Зализняк А. А.* О профессиональной и любительской лингвистике [Электронный ресурс] / А. А. Зализняк. — Режим доступа : http://www.nkj.ru/archive/articles/15245/.

5. *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. — 1456 с.

6. *Потебня А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. — Москва : Лабиринт, 1999. — 269 с.

7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах : пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. — Москва : Прогресс, 1986—1987.

8. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2-х томах / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1993.

9. *Шмелёв Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелёв. — Москва : ЛКИ, 2008. — 248 с.

Inner Form of Word as Phenomenon of Ordinary Metalinguistic Consciousness

© Olkhovskaya Aleksandra Igorevna (2017), PhD in Philology, leading research scientist, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia), aleksandra_olhovskaya@mail.ru.

The article is devoted to the inner form of the word as a living mechanism of ordinary metalinguistic consciousness. Three types of inner forms are distinguished — trivial, lost and darkened, the author focuses on the last one, as it represents the greatest interest within the framework of naive linguistics. To identify the principles of its functioning in consciousness of native speakers the author refers to the experiment and processing of the results obtained by four parameters: (1) correctness, (2) consistency, (3) strategy for establishing the inner form of the word, and (4) the type of error in its interpretation. The survey allowed to draw a number of conclusions. First of all, it is established that darkened inner form is virtually not recognized by native speakers and therefore cannot be considered a living element of the meaning of the word. Secondly, it is revealed that the interpretation of the inner form, even in the case of an erroneous result rarely goes beyond the capabilities of the language system. Thirdly, it is determined that among the strategies for establishing the inner form of the word the analysis of its root while ignoring the other components of morphemic structure assumes the leading position. Fourthly, it is

found that the most frequent error in interpretation of the inner form is incorrect commenting the image, that forms the basis of the nomination.

Key words: inner form of the word; motivation; ordinary metalinguistic consciousness; naive linguistics; Russian language personality.

References

Chernykh, P. Ya. 1993. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka:* v 2 tomakh. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

Fasmer, M. 1986—1987. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka:* v 4-kh tomakh. Moskva: Progress. (In Russ.).

Golev, N. D. 2000. Obydennoye metayazykovoye soznaniye i shkolnyy kurs russkogo yazyka. In: *Kulturno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii*. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. 338—348. (In Russ.).

Golev, N. D. 2008. Lingvistika metayazykovogo soznaniya (problemy i perspektivy). In: *Obydennoye metayazykovoye soznaniye i naivnaya lingvistika:* mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Kemerovo; Barnaul. 7—13. (In Russ.).

Golev, N. D. 2008a. Osobennosti sovremennogo obydennogo metayazykovogo soznaniya v zerkale obsuzhdeniya voprosov yazykovogo stroitelstva. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, 3 (4):* 5—17. (In Russ.).

Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. 2016. *Bolshoy universalnyy slovar' russkogo yazyka.* Moskva: Slovari XXI veka; AST-PRESS ShKOLA. (In Russ.).

Potebnya, A. A. 1999. *Mysl i yazyk.* Moskva: Labirint. (In Russ.).

Shmelev, D. N. 2008. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka.* Moskva: LKI. (In Russ.).

Zaliznyak, A. A. *O professionalnoy i lyubitelskoy lingvistike.* Available at: http://www.nkj.ru/archive/articles/15245/. (In Russ.).